

в упрощении сложных синтаксических связей и т. п. Трудно все то, что является непривычным.

Понятия «легкий» и «трудный» не являются абсолютными, и то, что трудно, т. е. непривычно, для нас, может быть легким для людей другой эпохи. Суждение о легкости или трудности редакции будет тем вернее, чем лучше критик будет знать навыки языка и мысли эпохи, которая эту редакцию передала, могла ее создать. Лучшим критиком греческого текста византийской традиции будет тот, кто, будучи превосходным эллинистом, будет также превосходным византинистом. Лучшим издателем латинского автора, сохранившегося в средневековых или послесредневековых кодексах, будет тот, кто так же хорошо будет знать средние века и гуманизм, как он знает своего автора, его язык, его эпоху и язык его эпохи. Такой критик является идеалом, которого никто неспособен целиком в себе воплотить, но к которому каждый обязан стремиться.

Все эти суждения Паскуали высказывает в самом широком их значении, но они приводят его к выводу, что лучше находчивое предположение, в которое верится и чтобы верить в которое имеются побудительные причины, чем механическая система, способная сбить с пути того, кто ее применяет. Как и в предыдущих главах, Паскуали приводит примеры из области изучения текста греческих и латинских авторов, подробно останавливаясь на трудах специалистов-классиков в последние десятилетия. Приводя определения Шварца и Мааса, Паскуали еще раз подчеркивает, что архетип, когда его отождествляют с античным изданием, совсем другое, чем архетип средневековый. Было бы ошибкой, говорит Паскуали, делать вывод об отсутствии архетипа на основании количества и качества вариантов. Ни в одном тексте нет таких многочисленных и таких особенных вариантов, как у Ювенала и Лукана, а существование архетипа с математической точностью доказано и для того, и для другого. Безусловно, что всегда передача текста, «традиция», идет вначале, как это и естественно, по «вертикали». Но едва лишь образуются варианты и ученому, стремящемуся как-то понять свой текст, приходит мысль сопоставить его с другим кодексом, пусть даже не последовательно, пусть только те места, которые вызывают затруднения, как традиция становится не только «вертикальной», но и «горизонтальной», или «поперечной». Не только первичные варианты, но и ошибки при снятии копии, не признаваемые таковыми, переработки сознательные и, быть может даже чаще, полусознательные, неверные исправления воображаемых ошибок, улучшения текста — все это может при сличении передаваться «поперечно».

Чем в какой-нибудь век ниже культура и чем ненадежнее критика, тем легче некоторые ошибки завладевают постепенно всей традицией, вплоть до того, что заменяют в ней целиком первичную редакцию. Паскуали приводит примеры того, как при исследовании текстов «поперечная» традиция затрудняет изучение.

Среди примеров описывается кодекс Ватиканской библиотеки № 840 — рукопись XIV в. смешанного содержания, написанная на бумаге. В ней имеется письмо Григория Нисского в тетрадке из 14 страниц, приложенной к кодексу. Но в этой тетрадке сохранилось также письмо на греческом языке митрополита русского Иоанна к пале Клименту и список греческих монахов, посвященных в епископы русской церкви при митрополите Феогносте, с датой их возведения в сан. Этот список датируется между 1328—1347 гг. Так что эта тетрадка, писанная для России, написана, вероятно, в России, как, может быть, и весь кодекс.

Распространение традиции по «горизонтали», «поперечно» Паскуали сравнивает с расплывающимся масляным пятном, распространяющимся